

Новая газ. — с. 18

«Мышь» родила «Обезьяну»

Студенческие спектакли редко выходят за пределы учебных подмоств, еще реже становятся поводом к созданию нового театра. С театром «Ученая обезьяна» в порядке исключения случилось именно это. Придуманный студентами Щукинского училища Александром Жигалкиным, Эдуардом Радзюкевичем и Виктором Бакиным спектакль «Город мышей» родил театр — «мышь» родила гору.

На этой драматической пантомиме выросло не одно театральное поколение — оказалось, название-пароль «Город мышей» знают все. «В пятницу 13-го «Ученая обезьяна» играет юбилейный спектакль — 15 лет», — говорила я. «Как? Только 15? Уже 15? — спрашивали люди. — Надо же!..»

Их номер с музыкальными бутылочками, наполненными водой до строгой отметки, спорит в легендарности с номером с музыкальными спичками. Их стучалки, шуршалки и сопелки отлажены по терциям так, что любо-дорого. Потому что в «Городе мышей» принято только шуршать, стучать, свистеть, ползать, иногда с оглядкой, страстно танцевать. Положено ритмично менять жест смелый и открытый на жест приглушенный и испуганный...

— Кто придумал название «Ученая обезьяна»?

Эдуард: Наш преподаватель Юрий Авшаров. У Евгения Вахтангова и Михаила Чехова была игра на гастролях, называлась «ученая обезьяна»: один был дрессировщиком, другой — ученой обезьяной. «Обезьяна» должна была беспрекословно выполнять все команды «дрессировщика». На следующий день они менялись. А второй уровень — мы все действительно ученые, у нас высшее театральное образование. А обезьянничество — суть профессии. Все совпадает.

Александр: Неоднозначное название на самом деле. Нас часто с уголкем Дурова путают. Типичный случай: в МДМ несколь-

ко лет была репетиционная база, и мы там играли спектакль. Как-то подошел пожарный: «Тут вечером сегодня обезьянки будут выступать. Это вы?». Да, говорим. «А какие у вас обезьянки — большие, маленькие?» Да вот с меня, говорю. А бывают еще больше, с Витю. «Ну надо прийти будет вечером, интересно». Но как-то уже прикипело. Тем более мы так долго отстаивали это имя. Нас все время убеждают в том, что

театра «Ученая обезьяна» не существует. На земле он действительно не стоит — своего здания у нас нет. Но бренд есть, и мы его отстаиваем.

— А «Город мышей» отчего же?

Виктор: 15 лет назад, когда спектакль появился, перестройка только начиналась, и серый цвет во всем доминировал: в одежде, раскраске домов, характере людей. Все напоминало какую-то мышиную возню. Как показало время,

сер» и придумываете шутки к домашним видеороликам, которые идут в эфир программы. Кто от кого больше питается — ваш юмор от роликов или новые ролики от ваших шуток?

Александр: Ролики никак не стимулируются нашими шутками, потому что последние лет пять или семь присылают одно и то же. Уже мозги вскипают, чтобы хоть как-то соригинальничать. Сейчас только у бомжей нет видеокамер, и каждый считает своим долгом хоть что-нибудь снять и отправить нам. Благо состояние народа растет, но фантазия от этого не увеличивается.

— И где у вас розетка?

Эдуард: В метро катаемся, по улицам ходим, книги читаем. Недавно в «Совершенно секретно» прочитал детективную разработку «Евгения Онегина» — никогда не обращал внимания на разобранные там расклады. Надо будет пересчитать.

Александр: В «СПИД-инфо» еще не забудь заглянуть.

Эдуард: А вот у них письма читателей интересные.

Александр: Вчера покупал еду, в магазин зашла совсем древняя старушка и попросила «шварценеггерской колбасы». Мы как грибки. Идешь по лесу, раз — и срезал.

Эдуард: Телевизор, кстати, очень питает. Его надо смотреть, чтобы знать язык своих врагов. И перекрестясь, сказать: Господи, хорошо, что мы еще до этого не дошли.

— Минувшим летом вы покорили Единбургский фестиваль уличных театров. Чем ваша «маримба тапочком» вышла лучше виртуозов-барабанщиков, факиров и шпагоглотателей со всего мира?

Виктор: Дело даже не в этом, там просто ничего похожего не было. Больше всего в нас «врубались» дети и зрители за сорок. Нам сказали, что нужно для поголовного покорения: чтобы в конце спектакля кому-нибудь отрубили голову или задницу разорвали на авансцене, вот тогда был бы уникальный спектакль. Так организаторы сформулировали, что сегодня считается модным и крутым в театре.

Эдуард: А если поблеть чем-нибудь зеленым в первый ряд, жадательно произнося при этом гамлетовский монолог — это просто готовый аншлаг. По мнению западных антрепренеров, для снискания признания артист должен отречься от всего человеческого и профессионального и без всяких игр превратиться в обезьяну.

— Смех всегда был огромной силой классовым оружием. Вы в этом смысле — политработники?

Александр: Я против политического юмора. В «Мышах» и в «Сам себе режиссер» шуток, связанных с политикой, нет. Вот в спектакле наших коллег и друзей, театра «Квартет И», — «День выборов» — такого юмора предостаточно, он очень хорошего качества, и мне приятно в этом принимать участие. Но вообще — когда в сберкассе предлагают купить лотерейный билетик, всегда отвечаю: «Я с государством в игры не играю». Я бы просто всю выборную историю записывал на видео и показывал в юмористических программах. Кандидат-депутат говорит минут десять — и ничего не сказал. Это же уметь надо!

— Вообще искусство веселого театра требует к себе серьезного отношения?

Эдуард (вздыхает): Серьезное и грустное занятие. Устает организм — очень много через себя пропускаешь, чтобы не только отсеять шелуху и пошлятину, но и высмелить ее. Чтобы по-настоящему рассмешить человека, надо понять, насколько он сейчас болен. А это работа на уровне экстрасенса. И нам тут деваться некуда. Мы к этому приговорены.

Кто умнее: homo sapiens или ученая обезьяна?

Чтобы по-настоящему рассмешить человека, надо понять, насколько он сейчас болен

название не утратило своей актуальности. Всех нас опять пересекают в город мышей.

— Можно сказать, что «Ученая обезьяна» — альтернатива Театру сатиры?

Эдуард: Мы не занимаемся официально сатирой или эстрадой, хотя Ширвиндт, безусловно, наш педагог. Мы втроем репетируем сейчас у него «Швейка»... Но мы ближе к музыкально-драматическому театру.

Александр: К эстраде у нас есть отношение, недаром худрук Театра эстрады Геннадий Хазанов позвал нас преподавать к себе на курс в РАТИ. Нам просто нравится делать какие-то шутки. Кто-то называет их «номера», на самом деле это дуракаваляние. Видимо, иногда получается неплохо, за это даже деньги платят и по телевизору снимают. Но наш юмор не разговорный, не петросьяновско-евдокимовско-степаненковский, а немножко другой.

Эдуард: В современном театре много слова плохого и мало слова хорошего. Как писал Пушкин, у нас есть пружина чести по отношению к слову.

— Осип Брик в 1922 году написал заметку «О неприличном» — речь шла о «легком жанре». В ней говорилось: «Легкий жанр, «малое театральное искусство» — единственно современная форма театра. Отмахиваться от нее — значит быть битым на театральном фронте». Чем объясните сегодняшнюю маргинальность сатиры, эстрады, клоунады?

Александр: Я видел живой концерт Петросяна. Был под завязку полный зал. Люди реально падали от смеха со стульев. Я послушал: мне не смешно. Почему? Я что, такой умный? Скорее всего, это свидетельствует о том, что в широком вешании, в телеварианте этому юмору пока нет достойной альтернативы.

Мы не убалтываем большие массы людей, не ухахатываем их вусмерть. Наши номера рассчитаны на то, чтобы не через уши в зрителя попасть — мы почти не говорим в них, — а сразу в подсознание. Они минуют стенку осмысления. Как Высоцкий говорил: «Я специально беру очень простой мотив, чтобы текст, как алкоголь, вливался в душу».

— Вы уже 12 лет работаете в авторской группе «Сам себе режис-



Вот они — создатели «Города мышей»

Владимир БОНДАРЬ